

— Ты только... полегче, братец Гоудань, — пробормотал Ван Сюань, слегка дрожа.

Вид у него был до того кроткий и беззащитный, словно он полностью отдавался на милость победителя, что Ли Кай невольно рассмеялся.

Он стремительно скинул одежду и обувь, оставшись в одних коротких трусах. Сложение у Ли Кая было ладное, широкоплечее: сильные, длинные ноги и руки, поджарый торс — загляденье, да и только. Под тканью угадывались весьма внушительные очертания.

Ван Сюань украдкой разглядывал его. Что уж говорить о «голодном» Ли Кае — у самого Ван Сюаня при виде такого великолепия сладко заныло в груди. Но лёгкая тревога всё же грызла изнутри: его возлюбленный был слишком силен и крепок, и за собственное хрупкое тело становилось немного боязно.

Ли Кай не дал ему утонуть в сомнениях. Он навалился сверху, сгрёб в охапку, и они покатались по постели.

— В комнате так тепло, а на тебе столько всего надето, — прошептал Ли Кай, заглядывая ему в глаза. — Давай-ка я помогу тебе раздеться. Так будет гораздо лучше.

Ван Сюань вспыхнул до корней волос. Ну и бесстыдник!

— Я сам... — пробормотал он.

Но то ли от волнения, то ли ещё отчего пальцы не слушались. Он никак не мог совладать с завязками штанов, взмок от напряжения, пока Ли Кай мягко не отвёл его руки. Одно короткое движение — и узел поддался. Ван Сюань на миг замер, а в следующее мгновение уже остался совершенно нагим.

Смущение окончательно улетучилось — молодое тело мгновенно отозвалось на близость. И всё же Ван Сюань шепнул:

— А дверь... дверь закрыта?

— На засов, — выдохнул Ли Кай.

Значит, можно ни о чём не беспокоиться.

Сброшенная одежда полетела на пол, даже одеяло сбилось в угол кана. Оба они были неопытны в этом деле. И хотя прежде они не раз помогали друг другу справиться с вожделением, сейчас, когда дело дошло до настоящего таинства, оба невольно робели. Оттого и ласки требовали особой неторопливости.

Их молодые, красивые тела сплелись в единое целое. Но Ли Кай вдруг умерил пыл. Он бережно обхватил ладонями лицо Ван Сюаня и принялся целовать его — медленно, вдумчиво, словно изучая каждый изгиб губ. Постепенно Ван Сюань совсем захмелел от этих нежных прикосновений и сам потянулся навстречу, крепко обнимая возлюбленного за шею.

В жарко натопленной комнате раздавался лишь тихий, влажный шёпот поцелуев. Они прекрасно знали тела друг друга, и вскоре последнее напряжение растаяло. Кто в этот момент вёл, а кто подчинялся, стало неважно — они оба одинаково жаждали этого слияния.

Ласки и поцелуи не требовали подсказок ума — инстинкты сами вели их руки и губы к самым заветным местам. В этот миг весь мир для них сузился до размеров этой постели.

К этой минуте они готовились долго — и мысленно, и физически. Ли Кай заранее изучил немало премудростей, а Ван Сюань, как лекарь, запасся необходимыми мазями и снадобьями на любой случай.

Со стороны это могло показаться странным или даже забавным, но они отнеслись к первому разу со всей серьёзностью, и ни один не посчитал эти приготовления излишними.

За окном кружила мелкая изморозь, мороз крепчал с каждой минутой, но на лбу Ли Кая выступили крупные капли пота. Чем сильнее становилось вожделение, тем бережнее он старался действовать, боясь причинить вред. Он понимал: стоит ему поддаться слепой страсти и сделать решающий шаг, он потеряет голову. От безумного натиска Ван Сюаню будет больно, да и сам он измучается чувством вины. Поэтому Ли Кай терпел, сдерживая дикого зверя внутри, и медленно, немного неуклюже, но невероятно чутко продвигался вперёд, пока Ван Сюань тихонько помогал ему.

И когда они наконец слились воедино, их души и тела обрели абсолютное, небывалое созвучие. Горячий пот смешивался на коже, дыхание стало одним на двоих.

«Больше не могу...» — вспыхнула в голове Ли Кая последняя связная мысль, и натянутая до предела тетива с треском лопнула.

Глаза его потемнели от хлынувшей страсти. Теперь он походил на дорвавшегося до воли зверя, которого невозможно удержать на привязи.

Его натиск сделался неистовым. Ван Сюань судорожно хватал ртом воздух — иначе дышать в этом вихре ощущений было просто невозможно. Его тело выгибалось навстречу каждому толчку красивой, изящной дугой.

Сила возлюбленного пугала и одновременно пьянила. В глубине души Ван Сюаня страх мешался с восторгом, заставляя желать ещё более яростных, глубоких движений.

Он и подумать не мог, что близость с любимым человеком способна подарить такое запредельное, почти болезненное блаженство.

Боль была острой, настоящей. Но наслаждение затмевало её стократ.

Казалось, он вот-весь взлетит к небесам — никогда ещё Ван Сюань не испытывал ничего подобного. Это чувство заполняло его целиком, превращаясь в сладкую, непреодолимую зависимость.

От переполнявшего его счастья хотелось плакать, и слёзы действительно покатались по щекам. Ван Сюань тихонько стонал, умоляя Ли Кая не останавливаться, желая до капли впитать всю его страсть и любовь.

Услышав этот бессвязный шёпот и увидев мокрые дорожки на лице юноши, Ли Кай на мгновение замер. Он бережно смахнул слёзы с его ресниц.

— Давай сменим позу, — хрипло выдохнул он.

Сильные руки подхватили Ван Сюаня, увлекая за собой прочь от кана. Ли Кай легко поднял его, и тот поспешно обвил руками его шею, а ногами обхватил крепкую, поджарую талию. Ли Кай держал его на весу, продолжая двигаться уверенно и глубоко. Ван Сюань вздрагивал при каждом толчке, не в силах сдержать тихих, счастливых рыданий.

Молодость легко поддаётся искушению: вкусив запретный плод, они не смогли остановиться и за ночь забылись в ласках трижды. Когда Ван Сюань наконец вспомнил, что неумеренность вредит здоровью, сил у него уже не осталось совершенно, а горло пересохло от долгих упоительных стонов.

Они лежали на кане, тесно сплетаясь руками и ногами. Лишь когда дыхание восстановилось и кожа начала остывать от ночной прохлады, Ли Кай дотянулся ногой до одеяла и укрыл их обоих.

— Полежи пока, я принесу тёплой воды, — прошептал он.

Ван Сюань лишь согласно угукнул в ответ. Ли Кай с нежной усмешкой подумал, что Сяо Сюаню явно не хватает физической подготовки — выносливость у него пока хромала.

Приведя себя в порядок, они приоткрыли узкую щёлочку в окне для свежего воздуха и крепко заснули, согретые взаимной нежностью. Лютый зимний холод за стенами дома не мог потревожить их покой. Осознание того, что теперь они без остатка принадлежат друг другу, принесло обоим глубокое умиротворение.

Наступило первое утро нового года.

Стоило Ли Сы открыть дверь во двор, как в глаза бросилась бескрайняя белизна свежевypавшего снега. Старик поплотнее запахнул ватник, покосился на комнату сына и попробовал толкнуть дверь — та была заперта изнутри намертво. Ли Сы не стал тревожить молодых. Он отправился на кухню, развёл огонь в печи и поставил вариться густую рисовую кашу. Затем расчистил дорожку у крыльца, прибрался в хлеву у буйвола, заглянул в птичник и накормил всю домашнюю живность.

Сын всё не просыпался.

Ли Сы вымыл руки, разогрел вчерашний наваристый бульон, бросил туда свежего мяса с овощами и довёл до кипения. Из-за двери по-прежнему не доносилось ни звука.

Поразмыслив, старик всё же подошёл и негромко постучал:

— Гоудань, сынок, А-Сюань, пора вставать!

Сквозь сон услышав голос отца, Ван Сюань всполошился и принялся расталкивать Ли Кая:

— Дядя зовёт! Хватит спать, нам же ещё односельчан с Новым годом поздравлять идти!

Ли Кай даже глаз не открыл, лишь проворчал сквозь зубы:

— Не пойду никуда...

— Ну же, вставай, — Ван Сюань легонько потерябил его за ухо и зашептал на ухо всякую чепуху, пока тот наконец не сдался.

Ли Кай сладко зевнул во весь рот, сгрёб Ван Сюаня в охапку, звонко чмокнул в щёку и лишь после этого нехотя полез одеваться.

— Как ты себя чувствуешь? Всё в порядке? — заботливо спросил он.

— Угу, вполне. Главное — резко не двигаться, — отозвался Ван Сюань. Целебная мазь действительно творила чудеса.

Ли Кай остался крайне доволен своими ночными успехами.

— Ну и отлично. Полежи ещё, я принесу горячей воды умыться.

Ван Сюань, всё ещё ощущая приятную истому во всём теле, спорить не стал. Когда Ли Кай помог ему привести себя в порядок, они натянули тёплые ватники и наконец вышли в сени.

— Отец, чего так рано-то? — проворчал Ли Кай. — На улице холодища, темень кругом. Куда спешить?

— Глупости говоришь, давно рассвело! Просто зимой солнце поздно встаёт, — добродушно пожурил его Ли Сы. — Живо за стол. Нужно успеть обойти стариков, пока к нам самим гости не нагрянули. Прислушайся, на улице уже всюду народ гомонит.

Идти так идти. Впрочем, тех старейшин, которых они с отцом обязаны были навестить лично, в живых почти не осталось. Из-за почтенного возраста Ли Сы у самого Ли Кая деревенская «табель о рангах» взлетела до небес. Ровесники его отца давно одряхлели, с ними достаточно было обменяться парой тёплых слов при встрече, а старейшин рода, к которым требовалось зайти с поклоном в дом, осталось всего двое-трое.

Покончив с завтраком, Ли Сы в сопровождении Ли Кая и Ван Сюаня отправился поздравлять старейшин рода. Обойдя всех, они быстро вернулись домой, поскольку к ним уже начали стягиваться первые гости.

В прежние годы, когда их семья жила бедно и незаметно, мало кто вспоминал о родстве с Ли Сы. К тому же в те времена традиционные празднования не поощрялись властями, так что Новый год в их доме мало чем отличался от будней. Теперь же толпы младших родственников шли нескончаемым потоком.

В доме воцарилось праздничное оживление. В просторном зале, который Ван Сюань заранее прибрал к празднику, расставили множество скамеек и табуретов — даже если гостей набивалось слишком много, в тесноте, да не в обиде, место находилось каждому.

На столах высились горы семечек и конфет. Если кто приходил с ребятишками, их карманы тут же набивали сладостями. В последние годы деревенская детвора обожала приходить в дом Ли Сы. Ли Кай всегда закупал угощения с запасом и потчевал маленьких гостей от всей души. А для детворы закон простой: где вкусно кормят, там и люди хорошие.

Парни постарше, ровесники Ли Кая, тоже с удовольствием проводили здесь время. По деревенскому родству кто-то доводился ему племянником, а кто-то и вовсе внуком. В доме Ли Кая стояло невиданное чудо — настоящий магнитофон. Стоило поставить кассету с модной музыкой, как вокруг собиралась толпа, готовая слушать её часами. В те годы это было пиком моды, так что от желающих приобщиться к прогрессу не было отбоя. Иные тридцатилетние мужики, уже обзаведшиеся кучей детей, торчали здесь наравне с молодёжью, и уходили только тогда, когда рассерженные жёны присылали за ними ребятишек звать к обеду.

Если молодёжь тянулась просто за развлечениями, то люди старшего поколения приходили с конкретной целью. В разговорах они то и дело заводили речь о работе в городе. Успех Иньтоу и Дафу, сумевших зацепиться за хорошую службу, подарил надежду всей деревне. Это и была

главная причина, почему дом Ли Кая стал таким популярным.

Ли Сы в этих делах ничего не смыслил и при любых расспросах лишь отсылал всех к сыну и Ван Сюаню. Те же двое держались вежливо, но уклончиво, словно скользкие вьюны: говорили мягко, никого не обижая, но и твёрдых обещаний не давали. Расспрашивать их дальше было делом бесполезным — только зря досаду копить.

Ли Кай прекрасно понимал их мотивы, но у него на этот счёт было твёрдое мнение: городская жизнь подходит далеко не каждому. Многие из просителей даже начальную школу не окончили, так где на них напасёшься тёплых местечек? К тому же, помощи одному — следом выстроится очередь из его родственников и соседей. Ему тогда только и останется, что целыми днями пристраивать деревенских на работу. А ведь среди них неизбежно найдутся недовольные, которые решат, что их обделили.

Зачем ему взваливать на себя эту обузу? Зачем добровольно искать неприятности?

Прийти в гости, поболтать, послушать музыку — всегда пожалуйста, двери открыты. Но если начинаются разговоры о выгоде, дружбе конец. В конце концов, у них с Ван Сюанем не было столь широких возможностей, чтобы тащить за собой всю деревню к богатству.

Спустя три дня, когда все приличия были соблюдены и визиты вежливости нанесены, Ли Кай запер ворота на засов. Оставшиеся праздничные дни он предпочёл провести наедине с Ван Сюанем. Они упивались внезапно обретенным покоем и нежностью. Ли Сы, который и сам никогда не отличался общительностью и не любил шумные сборища, вздохнул с облегчением, увидев, что сын закрыл дом для гостей.

Старик не лез к молодым и не расспрашивал, чем они там занимаются за закрытыми дверями. Сам он с удовольствием возился по хозяйству: то принимался коптить мясо, то вычищал дом до блеска, бережно ухаживая за каждым уголком своего семейного гнезда.

Соседи тоже сообразили, что семья Гоуданя не жалуется лишний шум, и перестали ломиться гурьбой. В усадьбе наконец-то воцарилась благословенная тишина.

Ли Кай устроился за столом и принялся набрасывать список своих связей и знакомств. Недавний разговор о том, что его единоутробным брату и сестре пора идти в школу, навёл его на одну интересную мысль. В голове начал складываться чёткий план, как обеспечить родную мать постоянным и надёжным заработком.

Если всё выгорит, это решение разом снимет множество застарелых проблем.

<http://bllate.org/book/19654/1996835>